

Roman Mnich

DOI 10.15290/sw.2019.19.12

Uniwersytet Warszawski

Wydział Lingwistyki Stosowanej

Katedra Rusycystyki

tel. +48 22 55 34 228

e-mail: r.mnich3@uw.edu.pl

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3384-2821>

Культурное пространство литературного произведения в исследованиях Дмитрия Чижевского

Ключевые слова: Дмитрий Чижевский, культурное пространство, философия культуры, европейский модернизм

Ответом на культурный кризис конца XIX – начала XX века в Европе были разные проекты, связанные как с общественными реформами и социальными революциями, так и с новыми концепциями в науке и искусстве. Объявленная Фридрихом Ницше “переоценка всех ценностей” [Sommer 2000, 345–346], стала не только одним из центральных тезисов европейского модернизма, но одновременно и одной из магистральных идей для многих философских систем того времени. “Переоценка” касалась прежде всего европейского классического наследия, а в области философии речь шла о новой интерпретации и новом понимании идей И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, частично немецких романтиков (к текстам которых так часто обращался сам Ф. Ницше). В таких условиях становится понятным тот факт, что именно в начале XX века в интеллектуальной жизни Европы созревает концепция *философии культуры* как своеобразного ответа на обозначенные кризисные явления. Философия культуры становится одновременно и новой интерпретацией классического наследия, и собственно проектом преодоления кризиса. Самым ярким представителем этого направления был немецкий философ-неокантианец Эрнст Кассирер [*Kultur und*

Symbol 2003]. Его философия культуры, заявленная в концепции философии символических форм, была, с одной стороны, ре-интерпретацией идей И. Канта, а с другой стороны, ответом на вопрос, как и почему возможна культура в ситуации глобального кризиса. При этом Э. Кассирер очень часто обращался к литературным текстам для объяснения своих идей и мыслей, а его философия культуры во многом вырастала на примерах из классической немецкой литературы, прежде всего Й.Ф. Гёте, но также и Г. Кляйста, Ф. Гельдерлина¹. Соотношение философии и литературоведения, и даже шире – философии и филологии, в наследии Э. Кассирера приобретает качество своеобразного симбиоза, в котором существование и функционирование одной области деятельности становится невозможной без другой. Философия нуждается в филологии для эмпирического подтверждения своих идей (на уровне реально существующего языка и разных дискурсивных практик, литературы в том числе). В свою очередь филология для теоретического обоснования своих положений и их научного статуса в усложняющейся структуре европейского общества тоже нуждается в философах и философии.

Аналогичные процессы обращения интеллектуалов к проблемам культуры мы наблюдаем и в России в начале XX века, особенно в среде русской эмиграции после событий 1917 года. Культурологический подход при интерпретации литературных произведений характерен для большинства русских философов и литературоведов, оказавшихся за пределами Российской империи; при этом, конечно же, в отличие от мыслителей, оставшихся на родине, учёные-эмигранты не были ограничены идеологическими установками: в своих выводах и рассуждениях они не обязаны были оглядываться на публикации в центральных советских газетах и осуждать буржуазных философов Запада.

Дмитрий Чижевский (1894–1977) – украинец по происхождению, а славист и философ по призванию, принадлежал – наряду с такими русскими мыслителями, как Фёдор Степун, Пётр Бицилли, Николай Бердяев, Георгий Флоровский, Василий Зенковский, Семён Франк – к тем учёным, чей вклад в культурологическое и философское понима-

¹ На тему отношения Э.Кассирера к литературе и его работ, посвящённых литературоведческой проблематике, существует обширная литература; особое внимание этот философ уделял наследию Гёте, наиболее полно соединяющему литературоведческую и философскую проблематику в немецкой культуре первой половины XIX века [из последних работ на эту тему см: Gelhard 2017].

ние литературных текстов является одним из самых значимых. Д. Чижевский был учеником Э. Гуссерля, другом Р. Якобсона и Х.-Г. Гадамера, он встречался с Э. Кассирером и М. Хайдеггером, переписывался с Р. Ингарденом и Я. Паточкой. Во время пребывания в Праге Д. Чижевский был активным участником Пражского лингвистического кружка, идеи которого оставались важными для учёного всю его жизнь².

Исследователи, занимающиеся творчеством Д. Чижевского, обычно делят его тексты на литературоведческие и философские, изучая его или как литературоведа, или как философа. Такое разделение в контексте биографии и всего творчества этого учёного является не вполне правомерным: Д. Чижевский скорее был философом культуры, и в своих интерпретациях литературных произведений он часто соединял философский подход и собственно литературоведческий. В свете сказанного чрезвычайно важную роль в научных текстах Д. Чижевского играет культурное пространство литературного произведения, совмещающее в себе изображаемый автором предметный мир (в самом широком значении слова), людей (персонажей произведения) и философские идеи, которые “управляют” и людьми, и вещами в этом мире. Представленная в творчестве Д. Чижевского философия культуры имеет, конечно же, выразительный антропологический характер, что неоднократно подчёркивал сам учёный³.

Показательным примером такого антропологического подхода к интерпретации литературных текстов являются две статьи Д. Чижевского, посвящённые Ф. Достоевскому⁴. Отмечу, что наследие учёного, связанное с изучением творчества Ф. Достоевского, достаточно

² Деятельность Д. Чижевского в межвоенной Праге была очень разносторонней: он сотрудничал одновременно с научными институтами русской и украинской эмиграции, с чешскими и немецкими научными общества, успевая делать доклады и участвовать в дискуссиях на разных философских и литературоведческих семинарах, конференциях и встречах [см. об этом подробнее: Oksana Blashkiv, Roman Mnich, 2016].

³ Культурологические идеи, как и сама концепция культуры у Д. Чижевского частично соотносимы с мыслями Ю. Лотмана по этому поводу. Д. Чижевский до конца своей жизни активно интересовался публикациями в Тарту, писал рецензии на книги Ю. Лотмана [см. об этом: Mnich Roman, 2015].

⁴ Мы не обсуждаем сейчас очень сложный вопрос о том, являются ли посвящённые Ф. Достоевскому публикации Д. Чижевского только частью более широкого замысла: то ли книги о самом Ф. Достоевском, то ли монографии о философских проблемах формализма в этике. Поскольку рассматриваемые нами статьи появились как отдельные публикации, есть смысл интерпретировать их как отдельные тексты, посвящённые Ф. Достоевскому.

объемно [см.: Тоичкина А.В, Мних Р.В., 2010]; важные смысловые и литературно-теоретические аспекты этих работ Д. Чижевского проанализированы Александрой Тоичкиной [см.: Тоичкина А., 2010; Тоичкина А., 2011; Тоичкина А., 2015], но в её публикациях не затрагиваются вопросы, связанные с антропологическими измерениями культурного пространства как объекта интерпретаций литературного произведения. Представленное в научных текстах учёного культурное пространство соединяет в себе интерпретацию смысла литературных произведений Ф. Достоевского с философскими идеями 20–30-х годов прошлого века, связанными со стремлениями и усилиями европейских философов преодолеть обозначенный выше научный и культурный кризис. Нужно также подчеркнуть в этой связи очень важное для Д. Чижевского значение идей Пражского лингвистического кружка (и опыта русских формалистов), особенно в тех пассажах его текстов, где речь идёт о функции конкретных мотивов в творчестве Ф. Достоевского (например, часто повторяющиеся образы насекомых) или функции грамматических категорий.

Обратимся теперь непосредственно к упоминаемым двум текстам. Первый из них – это статья *Достоевский-психолог*, она была написана в 1931 году и напечатана вначале на чешском языке, в сборнике, посвящённом Ф. Достоевскому. Русскоязычный вариант этого текста появился в печати во втором томе издаваемых А.Бемом сборников *О Достоевском* в 1933 году. Второй текст – статью *К проблеме бессмертия у Достоевского (Страхов – Достоевский – Ницше)* – Д. Чижевский опубликовал в 1936 году в сборнике памяти Николая Евграфовича Осипова – русского психотерапевта и невролога, профессора Карлового университета в Праге (сборник назывался *Жизнь и смерть*). Обе эти статьи вместе со статьёй *К проблеме двойника* и публикациями, посвящёнными влиянию Ф. Шиллера на Ф. Достоевского, составляют группу самых важных работ Дмитрия Чижевского, представляющих интерпретацию творчества Ф. Достоевского в широком культурном контексте эпохи.

В связи интересующей нас проблемой в этих текстах три аспекта привлекают особое внимание: 1) смысл заглавия, 2) заявленная в начале текста проблематика исследования и 3) употребляемая учёным терминология. Каждый из этих трёх аспектов по-своему свидетельствует о “переходе” Д. Чижевского из области литературоведения, в которой традиционно рассматривалось творчество Ф. Достоевского, в область философии культуры, которая становится одной из магистральных тенденций в его научных исследованиях.

Так, в первой статье уже само её заглавие – *Достоевский-психолог* – представляет постановку проблемы литературного творчества Ф. Достоевского в совершенно другой плоскости – в области психологии. Но суть самой проблемы не в этом: ведь и до публикаций Д. Чижевского исследователи достаточно часто писали о психологизме в творчестве Ф. Достоевского. Однако в отличие от своих предшественников Д. Чижевский в статье *Достоевский-психолог* представил не столько проблемы психологии и психологизма в традиционном значении этих понятий (душевная жизнь человека), сколько своё видение проблем антропологии и места этой науки в современной ему культуре. В концепции учёного современная ему психология теснейшим образом связана с философской антропологией, поэтому в статье Д. Чижевского проблема антропологии Ф. Достоевского рассмотрена на фоне основных философских тенденций того времени. Культурное пространство научного текста исследователя в этом случае наполнено идеями европейского психоанализа, экзистенциализма и феноменологии: бессознательное и внесознательное у Ф. Достоевского, плоскости космического бытия и место человека в космосе, пограничность человеческого бытия. Отметим также своеобразный парадокс: Д. Чижевский называет свою статью *Достоевский-психолог*, но в тексте несколько раз подчёркивает, что речь должна идти не о психологии, а собственно об антропологии, что новые перспективы в исследовании феномена человека открывает не психология, а антропология.

Характерно начало рассматриваемой статьи, где в сжатой форме Д. Чижевский представляет сновные этапы развития европейской антропологии, в ходе которых произошла подмена объекта изучения. Учёный считает, что человек в европейской научной традиции до сих пор изучался с точки зрения “наименее человеческого в нём” – его материального бытия:

Собственно следовало бы говорить об “антропологии” Достоевского. В наши дни слово “антропология” употребляется главным образом (не без исключений, однако) для обозначения естественно-исторической науки о “человеке”. Произошла, собственно говоря, подмена объекта изучения. Под словом “человек” – *άνθρωπος* – стали понимать наименее человеческое в человеке – его материальное бытие. Одновременно с естественно-исторической “антропологией” развившаяся “психология без души” была повинна в таком же присвоении себе ей по праву не принадлежащего имени, ибо *ψυχή* – душою она несколько не интересовалась. Наконец, в разных формах возникшее и развившееся учение о вторичности психического бытия, о его “эпифеноминальности”, о его полной зависимости от внешних факторов, о зависимости человека от “среды”, об “определении сознания

бытием” и т. под. вообще сводило на нет, зачеркивало всю проблематику человека, как такового [*О Достоевском* 2007, 236]⁵.

Далее Д. Чижевский пишет о том, что именно “в творчестве Достоевского стучится в сознание века, оторвавшегося от многовековой философской традиции, идея иерархичности человеческого бытия” [*О Достоевском* 2007, 237], которая и является сущностью новой антропологии. Это положение о “многослойности человеческого бытия” у русского писателя совпадает с открытиями в области европейской экзистенциальной философии начала XX века. В отношении Ф. Достоевского магистральной тенденцией антропологии предстаёт утверждение, “что человек находится на границе двух миров, двух сфер бытия” [*О Достоевском* 2007, 238], и эта “пограничность” человека в мире “выражается в формах, характерных для человеческого бытия вообще” [*О Достоевском* 2007, 238]. Поэтому “душевная жизнь человека становится ареною борьбы обоих миров, на границе которых стоит человек”: добра и зла, Бога и черта (“дьявол борется с Богом”), “идеала Мадонны” и “идеала содомского”. Сопряжение этих двух сил и их воздействие на человека обусловили появление в творчестве Ф. Достоевского феномена двойника, который по мнению Д. Чижевского, подобен явлению “двойной психологии” у европейских неоплатоников, особенно у Плотина.

Характернейшей чертой человеческого бытия, которая тоже воплотилась в творчестве Ф. Достоевского, является, по мнению учёного, представление о микрокосмичности человека: в нем отражается весь космос (мир) и только через него и его бытие этот космос может быть познаваем и изучаем. Это тоже одна из самых важных тенденций современной Д. Чижевскому европейской антропологии, достаточно вспомнить работы Г. Плесснера или классический текст Макса Шелера *Положение человека в космосе* (1928). Антропологический характер имеет и раздвоенное сознание героев Ф. Достоевского: оно свидетельствует о мастерстве русского писателя в изображении иерархичности человеческого бытия вообще, что в свою очередь является своеобразной борьбой Ф. Достоевского против позитивистской идеологии, столь широко представленной в России в 70–80-х годах XIX века. Этот “плос-

⁵ Здесь и далее текст статьи Д. Чижевского цитирую по современному переизданию сборника *О Достоевском*, осуществлённому в Москве в 2007 году; в русле рассматриваемой проблемы см. также в этом же сборнике комментарии к тексту Д. Чижевского [*О Достоевском* 2007, 378–386].

кий позитивизм” Д. Чижевский считает наследием эпохи Просвещения и называет его пренебрежительно “просвещенством” [О Достоевском 2007, 245]. Творчество Ф. Достоевского в таком контексте воплотило идею борьбы против русского “просвещенства” и борьбы за утверждение подлинно философского (антропологического) взгляда на человека и его место в мире.

Основная терминология, к которой обращается Д. Чижевский для объяснения заявленной в статье *Достоевский-психолог* проблемы, это философская терминология по преимуществу: антропология, бытие без загадок, смысл и назначение человека в мире, иерархичность человеческого бытия, микрокосмичность человека, неподвижная и живая идеи (как два противоположные полюса влияния на человека) и тому подобные понятия. Вокруг каждого из этих понятий Д. Чижевский выстраивает своеобразный философский (интерпретационный) контекст, намечая основные линии и основные тезисы предполагаемого, более широкого исследования. В этом смысле текст Д. Чижевского можно рассматривать как сжатый конспект, представляющий заявленную в заглавии проблематику в основных тезисах.

В связи со сказанным отметим однако, что такая постановка проблемы и новое понимание антропологии в начале XX века не были открытием самого Дмитрия Чижевского. О подобном подходе русские философы писали и до него, достаточно вспомнить очень важную для интеллектуальной атмосферы в России того времени книгу Николая Бердяева *Смысл творчества* (1916). Вторая глава этой книги, озаглавленная *Человек. Микрокосмос и макрокосмос*, была полностью посвящена тем вопросам, которые затрагивает Д. Чижевский в статье о Ф. Достоевском⁶. Так же, как и позже Д. Чижевский, Н. Бердяев здесь выступал против материалистической антропологии Л. Фейербаха и против позитивизма во взглядах на человека и его место в мире, так же Н. Бердяев пишет, что “человек – точка пересечения двух миров” [Бердяев 1989, 296], подчеркивает двойственность человеческого самознания, двойственность его природы, то есть одновременную принад-

⁶ В рассматриваемой статье Д. Чижевский упоминает имя Н. Бердяева, но речь идет о другой книге этого русского философа – *Мирозерцание Достоевского* (Прага 1924); творчество Н. Бердяева Д. Чижевский ценил очень высоко, он переписывался с Н. Бердяевым и отзывался о нем в письмах к своим знакомым как об одной из самых важных фигур в философском дискурсе того времени (см., например, переписку Д. Чижевского с Игорем Костецким, хранящуюся в Архиве Университета в Бремене – Forschungsstelle Osteuropa Bremen, FSO 01-242, письмо Д. Чижевского от 24 апреля 1949 года).

лежность к микро- и макро-космосу. Как и Д. Чижевский, Н. Бердяев тоже пишет о христианских контекстах святоотеческой антропологии и о том, что в творчестве Ф. Достоевского “произошло крайнее напряжение и обострение человеческого самочувствия, антропологического сознания” [Бердяев 1989, 324]. Но самое важное для нас – это обоснование Н. Бердяевым нового взгляда на антропологию, практически совпадающего с идеями о новой антропологии в статье Д. Чижевского. Н. Бердяев пишет:

Антропология или, точнее, антропологическое сознание предшествует не только онтологии и космологии, но и гносеологии, и самой философии познания, предшествует всякой философии, всякому познанию. *Само сознание человека как центра мира, в себе таящего разгадку мира и возвышающегося над всеми вещами мира, есть предпосылка всякой философии, без которой нельзя дерзать философствовать.* Кто философски познаёт мир, тот должен превышать все вещи мира, тот не может быть одной из вещей мира в ряду других, тот сам должен быть миром [Бердяев 1989, 294]⁷.

Как видим, Н. Бердяев, аналогично как и Д. Чижевский, выступал против понимания человека в категориях материального бытия, против понимания человека как “одной из вещей” мира наряду с другими вещами.

Вопросы, связанные с новой интерпретацией творчества Ф. Достоевского, Д. Чижевский продолжал рассматривать и в статье *К проблеме бессмертия у Достоевского (Страхов – Достоевский – Ницше)*. Как и в предыдущем случае, заглавие этой работы Д. Чижевского отражало не литературоведческий, но собственно философский взгляд на проблему: речь шла о феномене бессмертия. Построение этого текста учёного тоже в какой-то мере аналогично построению статьи *Достоевский-психолог*. Первые абзацы посвящены истории вопроса и освещению основных взглядов на проблему бессмертия в европейской культуре. Д. Чижевский пишет о сложности представлений человека о смерти и дает характеристику двум основным формам этих представлений. Приведём пространную цитату из рассматриваемой статьи:

Очень сложен вопрос, как развивались у человечества представления о смерти. Во всяком случае можно говорить о двух формах представлений, который встречаются и в истории развития религиозных воззрений

⁷ Курсив в цитате принадлежит Н. Бердяеву.

и – в остатках – могут быть отмечены у современных нам первобытных народов. С одной стороны – возможно представление о том, что человек, с момента смерти теряющий способность действовать в сфере нашей человеческой жизни, продолжает свое существование в какой-то несколько менее материальной, несколько менее уловимой, но вполне реальной сфере. Из этой неизвестной нам области он и появляется как “тень”, “привидение”, а то и просто как “выходец” с того света “Wiedergänger” – по-немецки), способный действовать в нашей материальной действительности (напр., как вампир), и еще более опасный, чем живой человек, в виду своей неуловимости, неподчиненности законам обычного человеческого существования. Смерть становится проблемой по мере того, как выступает и развивается вторая форма представления о смерти – представление о полном исчезновении не только земного, телесного, но и вообще человеческого в “загробном” бытии. “Иной мир”, “загробный мир” приобретает в религиозных представлениях определенность и ясность очертаний, известную нам из всех высших форм религии. “Загробная жизнь” уже не представляется простым продолжением земной, “посюсторонней” жизни, но часто качественно от “посюсторонней” жизни совершенно отличным концом, завершением её: апофеозом или карою, наградой или наказанием. Если раньше вечное продолжение земного существования казалось человеку – по крайней мере при известных предпосылках – желанным счастьем, и легенда наделяла героев, праотцев и счастливых сотнями и тысячами лет жизни в этом мире, то коренное изменение отношения к смерти выражается в легендах, видящих в вечном продолжении земного бытия наказание, проклятие, наигоршее, что может случиться с человеком (“вечный жид”, пан Твардовский, перенесение на небо в виде созвездия, не как апофеоз, а как наказание) [Чижевский 1936, 26–27]⁸.

Как и в предыдущей работе, Д. Чижевский в этой статье выступает против русского “просвещенства” и “просвещенско-языческого представления о полном исчезновении человека после смерти”, пишет, что “черт Ивана Карамазова” – это “один из аспектов просвещенства” [Чижевский 1936, 27–29]. Учёный также особо сигнализирует влияние на Ф. Достоевского забытого мыслителя Николая Страхова и его публикаций об обитаемости других планет. Д. Чижевский специально отмечает, что в идеологии обоих (Ф. Достоевского и самого Н. Страхова) важное место занимала ницшеанская идея “вечного возвращения”, то есть возможность повторения жизни отдельного человека бесконечное количество раз. В статье о проблеме бессмертия у Ф. Достоевского Д. Чижевский как бы соединяет современное ему учение философа-экзистенциалиста М. Хайдеггера о смерти и идею

⁸ Орфография в цитате современная.

Ф. Ницше о вечном возвращении. Отметим также, что сама по себе заявленная в заглавии проблема бессмертия сразу отсылает нас к мистической символике и мистическому осмыслению вопроса о времени: время человеческой жизни является лишь мигмом (искоркой) в мировом континууме. Но Д. Чижевский интерпретирует проблему времени не в мистических измерениях, а в экзистенциальных: понимание времени Ф. Достоевским как писателем и восприятие времени героями его произведений учёный соотносит с идеями М. Хайдеггера и частично с мыслями К. Ясперса, столь важными в европейской культуре того времени.

В рассматриваемой статье Д. Чижевский также подчёркивает наличие в художественном мире Ф. Достоевского другой фундаментальной идеи Ф. Ницше – идеи “высшего человека”, сверхчеловека. Дальше учёный пишет о влиянии идей неэвклидовой геометрии на Ф. Достоевского и о связи этого влияния с идеями русского писателя о бессмертии. При этом весь перечисленный комплекс идей, по мнению Д. Чижевского, был воспринят Ф. Достоевским из статей Н. Страхова, которые и навели русского писателя “на мысли о вечном возвращении” и “неэвклидовском уме” [Чижевский 1936, 38]. Наконец, так же, как и в предыдущей статье, Д. Чижевский для интерпретации проблемы бессмертия у Ф. Достоевского прибегает к устоявшейся и неустоявшейся философской терминологии: бытие, вечная длительность, сверхчеловек, вечное возвращение, просвещенство.

Подводя предварительные итоги, подчеркнём, что научная специфика рассмотренных публикаций Д. Чижевского состоит в очень последовательном соединении интерпретации творческих замыслов Ф. Достоевского с актуальной для Европы 20–30-х годов XX века философской проблематикой. Мир героев и идей Ф. Достоевского Д. Чижевский представил в сугубо философских понятиях и категориях, особенно характерных для экзистенциальной философии того времени (М. Хайдеггер, К. Ясперс, М. Шелер). Иногда учёный, наряду с традиционными, прибегает к таким понятиям и определениям, которые ещё не обрели статус официального термина в тогдашнем философском дискурсе, но вокруг которых в то время велась очень острая дискуссия: страх, смерть, ужас, двойная психология. Представленное в текстах Д. Чижевского культурное пространство соединяло, таким образом, литературоведческих опыт учёного (особенно опыт Пражского лингвистического кружка) и характерные для него философские поиски, которые во многом имели междисциплинарный характер (собственно философия, антропология, психология, социология, биология).

Литература

- Berdyayev N.A. 1989, *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva*, Moskva. [Бердяев Н.А. 1989, *Философия свободы. Смысл творчества*, Москва.]
- Blashkiv O., Mnich R., 2016, *Dmitriy Chizhevskiy versus Roman Yakobson*, "Opuscula Slavica Sedlcensia". Tom VI. Siedlce. [Oksana Blashkiv, Roman Mnich, 2016, *Дмитрий Чижевский versus Роман Якобсон*, "Opuscula Slavica Sedlcensia". Tom VI. Siedlce.]
- Chizhevskiy Dmitriy, 1936, *K probleme bessmertiya u Dostoyevskogo (Strakhov – Dostoyevskiy – Nitsshe)*, [v:] *Zhizn' i smert'*. Sbornik pam'yati d-ra Nikolaya Yevgrafovicha Osipova pod redaktsiyey A.L. Bema, F.N. Dosuzhkova i N.O. Losskogo. II: Stat'i pam'yati N.Ye. Osipova. Praga, s. 26–38. [Чижевский Дмитрий, 1936, *К проблеме бессмертия у Достоевского (Страхов – Достоевский – Ницше)*, [в:] *Жизнь и смерть*. Сборник памяти д-ра Николая Евграфовича Осипова под редакцией А.Л. Бема, Ф.Н. Досуждкова и Н.О. Лосского. II: Статьи памяти Н.Е. Осипова. Прага, с. 26–38.]
- O Dostoyevskom*, 2007, Sbornik statey pod redaktsiyey A.L. Bema. Praga 1929/1933/1936. Moskva. [*O Достоевском*, 2007, Сборник статей под редакцией А.Л. Бема. Прага 1929/1933/1936. Москва.]
- Toichkina A., 2010, *Chizhevskiy o Dostoyevskom (k probleme opredeleniya metoda interpretatsii Chizhevskogo)*, [v:] *Dmitriy Chizhevskiy i yevropeyskaya kul'tura*, "Colloquia Litteraria Sedlcensia", Tom IV, Drogoibich – Siedlce, s. 177–185. [Тоичкина А., 2010, *Чижевский о Достоевском (к проблеме определения метода интерпретации Чижевского)*, [в:] *Дмитрий Чижевский и европейская культура*, "Colloquia Litteraria Sedlcensia", Tom IV, Дрогобич – Siedlce, с. 177–185.]
- Toichkina A., 2011, *Kontseptsiya prosveshcheniya v Rabotakh D.I. Chizhevskogo o Dostoyevskom*, "Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii", Vypusk 3, № 12, s. 199–208. [Тоичкина А., 2011, *Концепция просвещения в работах Д.И. Чижевского о Достоевском*, "Вестник Русской христианской гуманитарной академии", Выпуск 3, № 12, с. 199–208.]
- Toichkina A., 2015, *Filosofskiy kontekst Stat'i D.I. Chizhevskogo "K probleme dvoynika" (K metodologii issledovaniya uchenogo)*, "Yezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna" – 2014–2015. Moskva, s. 415–423. [Тоичкина А., 2015, *Философский контекст статьи Д.И. Чижевского "К проблеме двойника" (К методологии исследования ученого)*, "Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына" – 2014–2015. Москва, с. 415–423.]
- Toichkina A.V, Mnikh R.V., 2010, *Bibliografiya rabot D.I. Chizhevskogo o Dostoyevskom (1929–1977)*, "Dostoyevskiy. Materialy i issledovaniya", Tom 19. Sankt-Peterburg, s. 53–57. [Тоичкина А.В, Мних Р.В., 2010, *Библиография работ Д.И. Чижевского о Достоевском (1929–1977)*, "Достоевский. Материалы и исследования", Том 19. Санкт-Петербург, с. 53–57.]
- Gelhard Dorothee, 2017, *Ernst Cassirer und die Literatur*, Frankfurt am Main.

- Kultur und Symbol. Ein Handbuch zur Philosophie Ernst Cassirers.* 2003, Stuttgart.
- Mnich Roman, 2015, *Youri Lotman et l'École sémiotique de Moscou-Tartu á travers l'héritage intellectuel de D. Tchijevski*, "SLAVICA OCCITANIA" Numéro 40: *L'École sémiotique de Moscou-Tartu / Tartu-Moscou. Histori-re. Épistémologie. Actualité.* Éd. par Ekaterina Velmezova. Toulouse, p. 275–293.
- Sommer A. U., 2000, *Umwerthung der Werthe*, [in:] *Nietzsche – Handbuch. Leben – Werk – Wirkung.* Hrgs. Hennig Ottmann, Stuttgart, S. 345–346.
- Tschizewskij Dmitrij, 1974, *Skovoroda. Dichter, Denker, Mystiker.* München.

CULTURAL SPACE OF A LITERARY WORK IN THE STUDIES OF DMYTRO CHYZHEVSKY

S U M M A R Y

Key words: Dmytro Chyzhevsky, cultural space, philosophy of culture, European modernism

The article focuses on the issue of cultural space of a literary work in academic research of Dmytro Chyzhevsky (1894–1977), an outstanding Slavist and philosopher. Scientific heritage of Dmytro Chyzhevsky permits to consider him as a philosopher of culture. He interpreted and studied different aspects of culture along the other Russian and European scholars of the first half of the 20th century (E. Cassirer, N. Berdyaev, F. Stepan, M. Bakhtin). In their address to philosophy of culture, European intellectuals manifested a reaction to the cultural crisis in the first half of the twentieth century. In the article, the author analyses Chyzhevsky's transition from problems of literary criticism and formalistic analysis of a literary work to the philosophy of culture on the basis of his two works devoted to Fedor Dostoevsky. For Russian religious philosophers of that period, Dostoevsky became the subject of religious discussion related to Christian ideology, while for Chyzhevsky the literary works of Dostoevsky confirmed ideas of prominent German philosophers, such as Friedrich Nietzsche, Martin Heidegger, and Karl Jaspers.